

СУММА СТАНИСЛАВА ЛЕМА

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПОЛЬСКОГО ФАНТАСТА

ЛЕМ ВЕЛИК! И это слово — не жанровый для "юбилейных" текстов штамп, который ставится на что ни попадя. В данном случае оно касается, прежде всего, "модуля" творчества Станислава Лема (12.09.1921–27.03.2006) безотносительно к оценке, позитивной или негативной, по любым осям ценностно-многомерной системы координат.

Примерно с середины 1970-х годов, когда стало ясно, что идея разрядки/конвергенции с целью "мирного сосуществования двух общественных систем" победила идею классовой борьбы с целью построения коммунистического общества, возникла мода, быстро ставшая нормой: при описании, в том числе рекламном, творчества тех или иных авторов, работающих в фантастическом жанре, использовать термин "Миры" или "Вселенная", например: "Миры Роджера Желязны", "Вселенная Рэя Брэдбери". Данная практика перешла также на отдельные фантастические произведения — "франшизы" ("Вселенная Дюны" или "Вселенная Звёздных войн") и даже медиакорпорации ("Вселенная Marvel").

Здесь стоит специально отметить, что в античности, особенно в Древнем Риме, для игр и войн существовали — включаясь через специальные обряды — особые правовые режимы, отличные от режима обыденной, мирной, жизни, в которых должное и недолюпное, добро и зло, допустимое и недопустимое нередко менялись местами. В наше же время границы между этими понятиями практически стёрты, и то, что начинается, как игра, в любой момент может стать войной на уничтожение, а потом моментально преобразоваться в "нормальную жизнь", и всё это полностью соответствует принципам, как выражается ряд исследователей, господствующей ныне "цивилизации постмодерна".

Вышесказанное можно считать предисловием к вопросу о том, применимы ли "Миры" или "Вселенная" к творчеству всемирно известного польского писателя-фантаста. Удивительно, но ответом на подобный вопрос будет скорее "нет", чем "да". Хотя, казалось бы, столь разносторонний и универсальный писатель, как Лем — идеальный объект для подобного именования. Но всё-таки оно оказывается невозможным — точно так же, как невозможно говорить о "Вселенной Coca-Cola" или о "Мирах McDonald's" — правда, по абсолютно полярным причинам. Упомянутые крупнейшие транснациональные корпорации вовсе не предлагают никаких "миров", никакой "альтернативной реальности" — их Санта-Клаусы на оленьих упряжках и клоуны Рональды сориентированы всё-таки на продвижение потребления конкретных товаров, а творчество Станислава Лема — на осмысление проблем человеческого бытия независимо от конкретики того мира, в котором человек находится здесь и сейчас. Его произведения — "сад расходящихся тропок" в будущее, сумма этих тропок, даже через прошлое и через "иное".

Поэтому фантастику Лема сложно иллюстрировать, она трудна для визуализации, поскольку не о том, что снаружи, а о том, что внутри. Увидеть это можно, а вот изобразить — большая проблема, даже такую, казалось бы, выигрышную для художника "натуру", как "двутелы" из романа "Эдем" или "мыслящий океан" "Солярис".

Лет десять назад, вопрошая Сергея Кургина, одного из видных отечественных мыслителей-критиков постмодерна, причём критика словом и делом, о творчестве братьев Стругацких и их роли в отечественной истории последних десятилетий, я услышал от Сергея Еравновича весьма неожиданные характеристики Станислава Лема. Сначала: "Я, в принципе, знаю, что на Западе существовали большие интеллектуальные фабрики, которые создавали литературную продукцию, в том числе "фэнтези", по аналитическим запискам. Я не говорю, что всё "фэнтези" так писали, или что Лем так писал, но массовая, популярная "фэнтези" на Западе писалась, как правило, по заказу". А затем, когда речь зашла напрямую о творчестве данного писателя: "Очень жесткий человек, напрямую включённый в глобальную элиту, и очень точно знающий, что он делает: призван изменить формат существования человека. Он — художник достаточного уровня, чтобы его произведения были литературой. Я понимаю, что такой, например, Клиффорд Саймак. Это — Лига плюща, довольно левая часть американской элиты. С подобной степенью точности Лема я определить не могу. Но чётко вижу, что это — управление по тенденциям, и такая же "народная демократия", как я — Галина Уланова".

Помню, насколько был тогда заинтригован — не столько разницей этих оценок с личным опытом чтения Лема, сколько необходимостью "локации" данного писателя в подобной системе координат. Не могу сказать, что за истёкшее время наимого продвинулся в решении этой неожиданно зашедшей меня задачи, но некоторые "засечки" сделать удалось, и нынешний юбилей позволяет предложить их вниманию читателей. При этом понятно, что они касаются далеко не всех произведений Лема и далеко не равноценны между собой. Данный текст, скорее, из серии "Жизнь замечательных идей", чем "Жизнь замечательных людей" (в "молодогвардейской" серии ЖЗЛ в 2015 году вышла написанная Геннадием Пращкевичем и Владимиром Борисовым книга "Станислав Лем", а годом ранее, с тем же названием, — в Минске, за авторством Виктора Язневича), о чём далее и пойдёт речь. Правда, не в хронологическом порядке, а в логике обнаруженных "засечек".

"Маска" (1974)
Не самое крупное и не самое популярное произведение Лема, фактически завершающее основной период его творчества в жанре фантастики, но настолько сложное по замыслу и по исполнению, что автор даже счёл необходимым сделать специальное предисловие-разъяснение к нему, которое, впрочем, было адресовано советскому читателю и касалось лишь внешнего слоя смыслов. В этом предисловии писатель утверждал, что идея повести была "проблема авторскрипции конечного автомата, то есть, пользуясь традиционным языком, полного самопознания им своих психических процессов".

Но истинный замык Лема угадывался буквально с первых трёх слов "Маски": "Вначале была тьма...". — открыто пародирующих Евангелие от Иоанна: "В начале бь Слово...". То есть он поднимал не просто религиозную, а экзистенциальную тему свободы воли создания от своего создателя, творения (или твари) от творца (или Творца). Прообразом "главной героини", от лица которой ведётся повествование, явно были "электрические псы" — роботы-убийцы из романа "Fahrenheit 451" Рэя Брэдбери, только представитель их семейства у Лема оказывается обречён в плоть прекрасной юной девушки и помещён (вернее уже — помещена) в антураж позднего средневековья. Предназначением этого существа тоже было убийство, но не любого нарушителя правопорядка, а одного-единственного — мудреца по имени Арродес, врага короля, который должен был согласиться на это из любви к его женской маске: не только идеальной красоте, но и совершенному разуму. Но всё пошло не так...

"Он (Арродес. — **Авт.**) не очнулся, и, когда рассвет прошёл между нами в клубах мелкого искрящегося снега, который задувала в окно горная метель, он, ещё раз протонав, перестал дышать, и тогда уже успокоенная, я легла рядом, прильнула к нему, сжала в объятиях и лежала так при свете дня и во мраке

ночи все двое суток пурги, которая укрывала нас натающим одеялом. А на третий день взошло солнце". На какой день воскрес Иисус Христос? Квазивангелийская история тем самым закольцовывается: вначале была тьма, а в конце взошло солнце, но "главная героиня" при этом явно соотносена с жёнами-мироносицами в их любви к Господу. Такую интерпретацию трудно назвать пародией или кощунством — это попытка выстроить некий аксиологический аналог неевклидовых геометрий, вполне вероятный в сфере предметно-логического познания, но неприменимый в сфере познания этического, нравственного, а в сфере эстетического познания, в мире художественных образов — стоящий на грани, но всё-таки не за гранью допустимого.

"Солярис" (1961)

Конечно, любой разговор о творчестве Лема невозможен без упоминания этого романа. Тем более разговор на русском языке, поскольку в 1972 году на студии "Мосфильм" по этому роману режиссёром Андреем Тарковским был снят знаменитый фильм, о котором сам писатель заявлял, что с его "Солярисом" эта киноверсия имеет слишком мало общего — ввиду чрезмерной связи с традиционной русской культурой, по его мнению, "давящей" на эмоции, а не на "рацию" и "эпистемологию": "Тарковский... снял совсем не "Солярис", а "Преступление и наказание"...". К снятому ранее, в 1968 году, советскому телеспектаклю у Станислава Лема подобных претензий не было, и от своего имени в числе авторов сценария он не отказывался. Впрочем, к началу 1970-х писатель приобрёл не только мировую славу, но и существенный скепсис относительно дальнейших путей развития человечества, что отразилось в его "Футурологическом конгрессе" (1971) и более поздних произведениях.

Выход в свет "Соляриса" (начало августа 1961 года), написанного ещё в 1959–1960 годах, практически совпал с началом эры пилотируемой космонавтики, с полётом Юрия Гагарина (12 апреля 1961 года), и имел с этим эпохальным событием мощный синергический эффект. Если "Астронавты" (1951), "Магелланово облако" (1955) и даже "Эдем" (1959) создавались Лемом более-менее в духе социалистического реализма, то есть коммунистических идеалов будущего общества, достижимого на пути научно-технического прогресса, то в "Солярисе" этот путь уже подвергается "пытке вопросительными знаками" в виде создаваемых разумным Океаном Соляриса "гостей"-фантомов, неуничтожимых и неотличимых от людей или их мысленных образов, в отношении к которым астронавты по разным причинам испытывают муки совести и пытаются от этих фантомов всячески избавиться, вплоть до самоуничтожения, но в конце концов находят способ аннигиляции "гостей" и даже добиваются того, что Океан перестаёт их продуцировать.

Разница между реальным прорывом человека в космос и описанием перспектив освоения космического пространства у Лема оказалась чрезвычайно высока, а её значение — непреходяще, в общем-то, для всего дальнейшего развития человечества. Поскольку обозначила не просто опасности столкновения с более высокими уровнями разума, но и необходимость отказа от собственной истории, со всеми её взлётами и падениями, от собственной сущности. И самое главное: если Солярис оказывается способным создавать копии людей, то где гарантии того, что он не сможет создать их оригиналы или сам не создан ещё более высокими "силами"? А раз так, то чем может и должно заниматься человечество во Вселенной? Есть ли смысл в научно-техническом прогрессе, все достижения которого в любой момент могут быть перечёркнуты тёмной стороной нашего "Я" и нашего "Мы"? Даже если в нашем представлении эта сторона и кажется светлой, где же тогда и каким образом искать абсолютную систему координат?

Помню, в конце 70-х, несмотря на уже вышедший в 1972 году доклад Римского клуба о "пределах роста", очень многие — во всяком случае, среди наших соотечественников, привыкших жить в условиях "двойного рыжка": общечеловеческого и сталинского, — ожидали к 2000 году заселения не только Луны, но и Марса, овладения термоядерной энергией, продления человеческой жизни до 150–200 лет или даже достижения фактического бессмертия, полного решения всех экономических, экологических и социальных проблем. К сожалению или к счастью, даже спустя 20 с лишним лет после достижения столь знакового рубежа, ничего подобного не произошло. И роль "Соляриса" в этой перестройке цивилизационного маршрута нельзя отрицать или недооценивать.

"Сумма технологий" (1964)

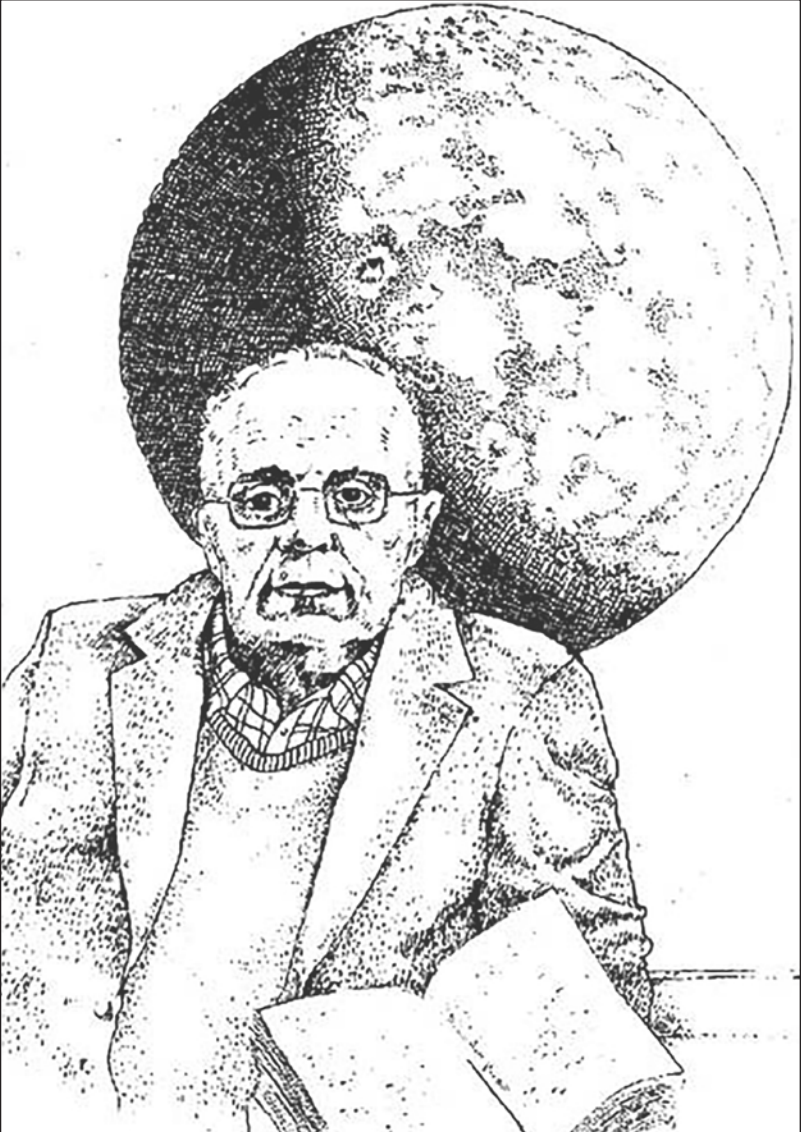
На мой личный взгляд, данная книга Лема, ничего общего не имеющая с фантастикой как жанром художественной литературы, является ключом ко всему творчеству писателя. И, опять же, дело здесь не в том, что она посвящена "изучению шипов ещё несуществующих роз", а в её отсылке к двум фундаментальным трудам под одним названием "Сумма теологии", созданным в XII веке двумя учёными, католическими монахами: Альбертом Великим и его учеником Фомой Аквинским. Труды были положены в основу догматики католической церкви и, соответственно, в фундамент всей западной цивилизации. Произошло это уже после Великого раскола единой ранее христианской церкви и после фактического провала объявленных Святым Престолом в Риме Крестовых походов на Восток. К силе оружия были приложены власти государств и господство идей — на основе максимально точного причинно-следственного знания ("Knowledge is power!"), — как сформулировал через четыре с лишним века Френсис Бэкон).

Возможно, это прозвучит парадоксально, но вся западная наука и, соответственно, техника, да и вся западная цивилизация расцвели и более 500 лет господствовали на почве теологии, веры в Бога и в познаваемость созданного Богом мира, где существуют единые и вечные законы природы, само существование которых было непредставимым для иных культур и цивилизаций. То, что эта почва истощилась и выродилась, в первой половине 1960-х могли ощутить — не говоря уже о том, чтобы осознать и тем более выразить, — очень и очень немногие. Судя по его "Сумме технологий", Станислав Лем явно входил в их число. Можно было бы ограничиться здесь констатацией данного факта, особо не вдаваясь в поиски причин его появления. Но есть одно важное "но"...

Как правило, вдохновителем "Суммы технологий" признают советского астрофизика Иосифа Шкловского, автора вышедшей в 1962 году книги "Вселенная. Жизнь. Разум". И это, несомненно, так. Но нельзя исключать наличие как минимум ещё одного источника — на то время активного участника Второго Ватиканского собора, сначала викария, а затем и главу Краковского архиепископства Кароля Войтылу, впоследствии известного как Папа Римский Иоанн Павел II. Не исключено, что эта "обновлённая" версия католической церкви и была тем "центром силы", который вдохновлял Станислава Лема и — такие процессы, как правило, не бывают односторонними, одно-сторонними — возможно, вдохновлялся его идеями? Во всяком случае, провозглашённая тогда великим фантастом замена "Суммы теологии" "Суммой технологий" уже вполне очевидна и сегодня, в первой четверти XXI века, даже не нуждается в каких-либо доказательствах.

Владимир ВИННИКОВ

Печатается в сокращении, полный текст — на сайте zavtra.ru

Портрет Станислава Лема. Художник Герта Матулионите

Иллюстрация к роману «Футурологический конгресс». Художник Герта Матулионите

Иллюстрация к роману «Солярис». Художник Андрей Ликучёв

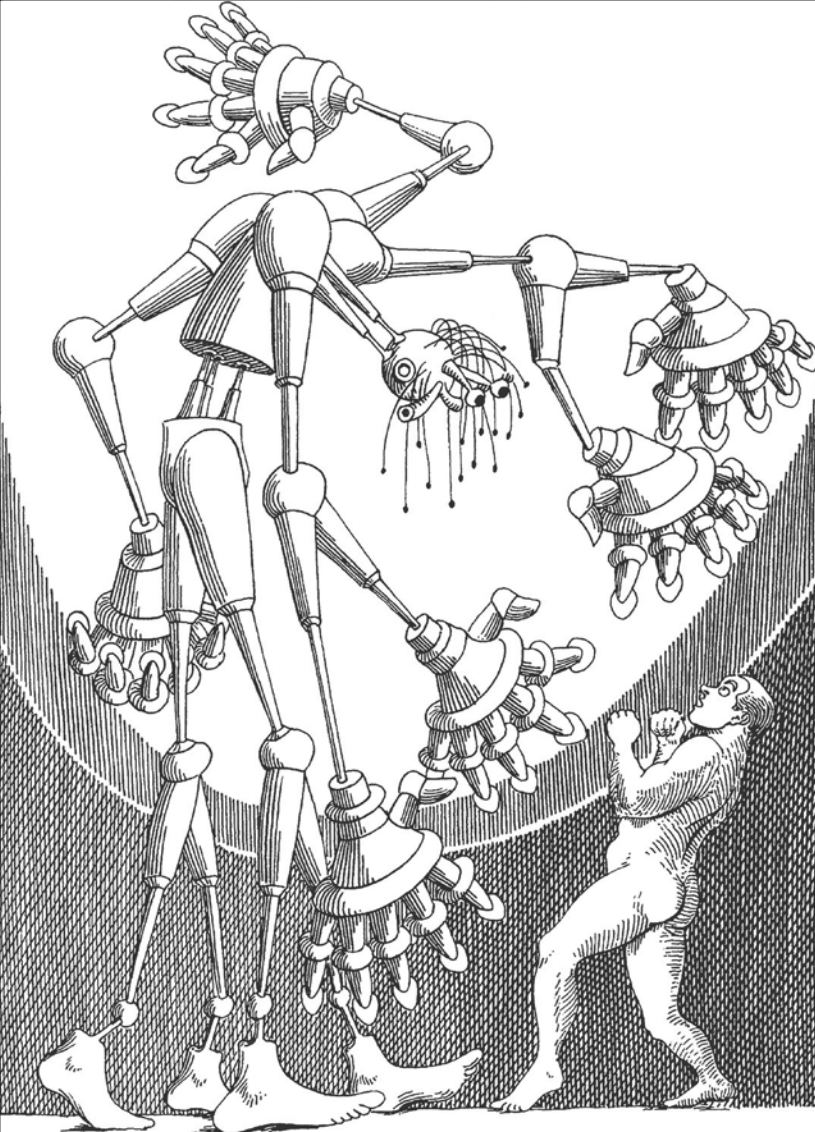

Иллюстрация к сборнику «Кибериада». Художник Дэниэл Мроз

Иллюстрация к повести «Маска». Художник Ивабути Кэйдзо

Иллюстрация к роману «Фиаско». Художник Владимир Боровка